

Переводчик: Антония

Нин Шаоцин сел в кресло, когда Мо Цяньсюэ подошел и крепко обнял его, нежно утешая: "Не думайте о том, что случилось".

В твои бывшие двадцатилетние годы жизни меня не было, но в последующие десятилетия твоей жизни я всегда буду рядом". Если тебе понравится, я буду готовить лапшу для тебя каждый год".

Узел между бровями Нин Шаоцина постепенно растворился. Он сжимал руки Мо Цяньсюэ, поднося их к его сердцу, а затем к его губам.

Теперь у него была жена! У него был кто-то рядом до конца жизни.

Печаль и страдания все еще были в его сердце, но он знал, что теперь, когда он будет побежден и снова ослабнет прошлым, его жена будет рядом с ним и крепко обнимет его.

В течение большей части времени, сила мужчины была получена от поддержки женщины.

Женщины нуждались в мужчинах, но и наоборот.

Воздух стал тихим и приклеенным любовью.

Мо Цяньсюэ взглянул на темное небо снаружи и почувствовал себя немного глупо за то, что был так тронут гонораром. Она засмеялась: "Уже темнота". Пойдём спать".

По окончании, она боролась, чтобы избавиться от руки Нин Шаоцин, что заняло у нее много времени, чтобы добиться успеха.

Она вымыла стол, а затем легла спать с ним.

Сегодняшнему вечеру суждено было быть необычным. Ветер дул, и деревья шелестели.

Жизнь - это такой круг. Ты поворачиваешься и кружишься, пока не закружится голова, а потом ты со своим мистером Правым.

Нин Шаоцин вошла в их комнату, взяла ее за руку. Это дало ей ощущение свадьбы.

Она украдала взгляд Нинга Шаоцина, который выглядел довольным и радостным.

С того момента, как он увидел, что она ждет его, улыбка не покидала его лица. Его брови

лежали в расслабленном положении, сияющие глаза усеяны на красивое лицо, которое все вместе, при мерцании свечи, сделали его выглядеть более очаровательным и элегантным.

"Задуй свет и ложись спать". Нин Шаоцин прошептал.

Держался так долго, что теперь ему не терпелось поспать? Клэри посмотрела на него и игриво надула: "Зачем торопиться? Я еще не приготовила постель. Не дави на меня..."

Она еще не закончила и внезапно была поднята им, будучи прижата к кровати и буря поцелуев.

"Свет горит".

Вспышка пальмового ветра пронеслась, и огонь свечи погас.

Это был его день рождения, так что он должен купить что-нибудь сладкое. Мо Цяньсю только притворялся, что немного сопротивляется, а потом позволяет ему идти своим путем.

На самом деле, с того момента, как Ау сказала ей, что сегодня день рождения Нин Шаоцина, Мо Цяньсюэ предвидел, что сегодня вечером случится что-то эротическое.

В этот момент Мо Цяньсюэ совсем забыла, что она несовершеннолетняя.

Она думала, что древние люди женятся только в пятнадцать лет, так что ничего страшного, если они это сделают.

Кроме того, её тело было зрелым с хорошо развитой грудью. Наверное, ей уже было больше пятнадцати лет.

Под его поцелуем, ощущение электрического шока вытекло из ее мозга по всему позвоночнику. Мо Цяньсю очутилась в головокружении.

Полубледневшая и закружившаяся голова, она через секунду была снята с одежды Нин Шаоцином. Обнажённая кожа была чистой и гладкой, как нефрит, придавая ей красоту, не поддающуюся описанию.

Глаза Нин Шаоцина были потемнели, как бездонный колодец, сквозь который невозможно было видеть, но были прыгающие языки огня, которые собирались проглотить и поглотить Мо Цяньсюэ.

Он действительно пробовал ее. Щеточные и густые поцелуи падали на ее тело, неся в себе какое-то безумие и зерно недовольства. Большие руки схватили ее за плечи и могли разбивать ее в прах до тех пор, пока в ее распоряжении было немного силы.

В этот момент он недовольно ущипнул Мо Цяньсюэ за нос и укусил ее за губы, как будто что-то выпускал наружу.

Мужчина болезненно задыхался и пухнул, держа в руках красивое нежное тело, голову, зарытую в шею Мо Цяньсюэ.

Завернув ее в одеяло, он сам выбрался.

С одеялом между ними он яростно шевельнулся и повернулся, лицо покраснело, стоя в кажущемся ему болезненным наслаждении.

Внезапно, он вздохнул долго, и его тело стало жестким. Мо Цяньсюэ на руках почувствовал сырость через одеяло. Симпатичное лицо стало красным. Казалось, что внутри ее тела горит огонь, и кожа горит в алом. Ее мягкое тело склонилось в руках Нин Шаоцина, зудя от ласкания.

Странное чувство заставило ее извиваться над телом Нин Шаоцина. Желаящий выглядеть взволнованным и забавным Нин Шаоцин, который слегка засмеялся.

"Ха~"

Это было нежно и успокаивающе, как надвигающийся весенний ветерок, щекочущий ее светливое сердце.

Но он не предпринял дальнейших действий в отношении нее.

Что было не так с этим человеком? Он намеренно дразнил ее и позволял ей беззастенчиво умолять его об этом?

Или у него была особенность?!

В этом продолжении она обоснованно подозревала, что станет одной из тех несчастных, которые забеременели, не получив удовольствия от секса.

После того, как он отпустил ее, он залез в одеяло, взял ее на руки и не оставил шва между двумя обнаженными телами.

Она думала, что он остановится здесь. Неожиданно он стал еще сильнее целовать ее на каждом дюйме кожи, в том числе и в той части, где она стеснялась говорить.

Следовательно, у нее снова закружилась голова в волнах течения.

Он не говорил. Она тоже не говорила.

Он был слишком занят, чтобы говорить, но она была безмолвна от депрессии.

Она рассчитывала на то, что он скажет какие-нибудь сладкие флиртующие слова, когда они неторопливо начали заниматься любовью. Как джентльмен, как он мог теперь так себя вести?

Более того, как только он похоронил себя в работе, его рот застыл, только изредка открывался, чтобы заставить ее стесняться и чесаться.

Сладкое время бежало быстрее. Быстрее зазвонил барабан полуночи. Нин Шаоцин в третий раз вышел на свободу с завернутым в одеяло одеялом.

В этот момент, после поцелуя и завернув ее в одеяло, он планировал сделать это снова!

Мо Цяньсюэ, выжженная ртом и выжженная языком от мучений течения, мгновенно ударилась о потолок, подняв ногу и сразу же оттолкнув его.

Будь проклят этот засранец. Дразнил ли он ее, причиняя боль собственному телу? Что это было?

Нин Шаоцин не ожидал этого и остался на земле, пустой.

При второй мысли он понял.

В темноте он улыбнулся. Он слишком долго подавлял себя, чтобы вести себя так сегодня вечером.

В день рождения, перед лицом любимой женщины, он заболел бы, если бы не дал отдушину.

Это была его вина. Он игнорировал ее чувства.

Подумав об этом, Нин Шаокин снова забрался в постель. Он поскользнулся в одеяло и повернул ее лицом к нему.

Предыдущие выпуски и холод на полу потушили огонь на его сердце.

Расстроенный, Мо Цяньсюэ снова повернулся к нему спиной.

Он протянул руку и взял ее в свое одеяло.

Прикоснувшись к голой коже, он снова слегка возбудился. Он изо всех сил старался отрегулировать дыхание, шептал: "Сказать по правде, во мне холодный яд!".

Мо Цяньсюэ чуть не возникло от удивления. Он знал это? Он всегда знал? Неудивительно. Такой умный человек, как он, определенно знал, что с его телом что-то не так.

"Это яд... смертелен?" Голос Мо Цяньсюэ дрожал. Так как он знал ситуацию, возможно, он также знал, как ее вылечить.

"Пока нет". Нин Шаоцин утешил свою трясущуюся жену: "Я не собирался говорить тебе, потому что не хочу, чтобы ты волновался. Но теперь, если я все еще буду скрывать это от тебя, я верю, что ты определенно неправильно меня поймешь".

Яд. Ладно! Но почему это как-то связано с любовью?

Мо Цяньсюэ был безмолвен.

"Яд не причинит вреда моему телу, если он не сработает, но если мы это сделаем и когда мой... попадет в тебя, холодный яд вторгнется в твоё тело, чтобы навредить твоему чреву, что может сделать тебя бесплодным".

Казалось бы, спокойный тон Нин Шаоцина выявил нервозность.

Мо Цяньсюэ взбесился, проклиная в тайне: черт возьми! Проклятье! Какой дурацкий яд! Хотел ли он лишить ее счастья?

Она надеялась, что засранец, отравивший ее мужа, не попадет ей в руки, иначе она не простит его с легкостью. Теперь она могла бы создать маленькую фигурку в своем сознании и заниматься на ней колдовством. Иди к черту!

"Тогда... что же нам делать?" Хотя она чувствовала себя немного смущенной, она все же задала вопрос. Должны ли они терпеть такую ситуацию до того, как он вылечится?

Это ранило его тело и ее сердце! Кроме того, ее тело бы тоже пострадало! От торможения!

"Говорят, что только странный врач, которого называют божественной рукой детоксикации, может вылечить этот яд". Мои люди спрашивали, что недавно странный доктор показал своё присутствие в городе Тяньсян. Думаю, скоро я смогу пригласить его вылечить мой яд".

"Странный доктор?"

"Да. Вы слышали о нем?"

"Кажется, я с ним познакомился".

...

Говоря о странном докторе, Мо Цяньсюэ должен был упомянуть семью Цзянь и Цзянь Цинью.

А когда речь зашла о леди Цзянь, Мо Цяньсюэ похвалил ее умную, знающую и решительную.

Она была первой подругой Мо Цяньсюэ в реальности после того, как попала в этот другой мир. Она надеялась, что Нин Шаоцин сможет продолжить оказание первой помощи, по крайней мере, перестать злиться на нее, даже если он не смог ее принять.

После того, как пара встретила друг друга "откровенно", их сердца стали еще ближе.

Во время разговора, когда Мо Цяньсюэ упомянул Цзянь Цинью, Нин Шаоцин лишь какое-то время молчал. Несмотря на то, что он не потянул лицо, он не был так ревнив, как раньше.

<http://tl.rulate.ru/book/14777/849939>